Ilmiy tadqiqotlar va ularning yechimlari jurnali
Aoka guvohnoma № 323759 ISSN: 3060-4818

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Каримов Баходир Олмас угли
Магистр, Ташкентский государственный экономический университет, факультет экономики, Республика Узбекистан
https://doi.org/10.5281/zenodo.23267404

Аннотация: В статье рассматривается цифровое неравенство как многомерное социальное явление, выражающееся не только в различиях между населением по уровню доступа к интернету и цифровым устройствам, но и в неодинаковых возможностях использования цифровых технологий, уровне цифровых навыков, качестве подключения и способности получать социально-экономические преимущества от цифровой среды. Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровизация образования, рынка труда, государственного управления, финансовых и социальных услуг превращает доступ к информационно-коммуникационным технологиям в существенный фактор социальной интеграции. Согласно данным Международного союза электросвязи, в 2024 г. интернетом пользовались около 5,5 млрд человек, или 68% населения мира, однако 2,6 млрд человек оставались вне цифрового пространства [1]. Особенно значимыми остаются различия между странами с высоким и низким уровнем дохода, городскими и сельскими территориями, различными социально-экономическими группами, мужчинами и женщинами, а также поколениями.

Цель статьи состоит в системном анализе основных причин цифрового неравенства и его социальных последствий. Методологическую основу составили анализ статистических данных международных организаций, сравнительный анализ научной литературы, систематизация результатов эмпирических исследований и структурно-функциональный подход. Показано, что цифровое неравенство имеет кумулятивный характер: недостаток материальных ресурсов ограничивает доступ к технологиям, ограниченный доступ препятствует развитию цифровых навыков, а недостаток навыков, в свою очередь, уменьшает возможность получать преимущества в сфере образования, занятости, доходов и общественного участия. Сделан вывод о необходимости комплексной политики цифровой инклюзии, сочетающей развитие инфраструктуры, повышение доступности услуг, формирование цифровых компетенций и устранение социальных барьеров.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровой разрыв, цифровая инклюзия, интернет, цифровые навыки, социальное неравенство, цифровизация, образование, рынок труда, социальная стратификация.

Введение

Цифровая трансформация стала одной из наиболее значимых характеристик современного общества. Интернет, мобильные технологии, цифровые государственные услуги, электронная коммерция, дистанционное образование и цифровые финансовые инструменты существенно

изменили способы коммуникации, получения информации, обучения, трудовой деятельности и участия граждан в общественной жизни. Вместе с тем распространение цифровых технологий не означает автоматического равенства возможностей. Напротив, существующие социально-экономические различия во многих случаях воспроизводятся и получают новое измерение в цифровой среде.

Проблема цифрового неравенства первоначально рассматривалась преимущественно как различие между лицами, имеющими и не имеющими доступ к компьютерам и интернету. Однако последующие исследования показали ограниченность такого бинарного подхода. Уже в начале 2000-х гг. исследователи указывали, что необходимо учитывать не только сам факт доступа к технологии, но также различия в навыках, целях использования, качестве подключения и получаемых результатах [2; 3].

М. Варшауэр предложил рассматривать цифровой доступ как более сложный социальный процесс, включающий физические ресурсы, цифровые ресурсы, человеческий капитал и социальные ресурсы [4]. Такой подход позволяет понять, почему одинаковое наличие технического устройства не гарантирует одинакового социального эффекта.

Современные статистические данные подтверждают сохранение масштабного цифрового разрыва. По данным Международного союза электросвязи (МСЭ), в 2024 г. интернетом пользовались 5,5 млрд человек, что соответствовало 68% населения мира. Одновременно около 2,6 млрд человек, то есть примерно треть населения планеты, оставались офлайн [1]. При этом в странах с высоким уровнем дохода интернетом пользовались около 93% населения, тогда как в странах с низким уровнем дохода — только 27% [1].

Существенным остается территориальный разрыв. В 2024 г. доля пользователей интернета среди городского населения мира составляла 83%, тогда как среди сельского населения — только 48%. Из 2,6 млрд человек, не использовавших интернет, около 1,8 млрд проживали в сельской местности [5]. Таким образом, цифровое неравенство связано не только с индивидуальными характеристиками человека, но и с особенностями территории проживания.

Актуальность изучения данной проблемы дополнительно усиливается вследствие цифровизации общественных институтов. Если образовательные программы, вакансии, государственные услуги, банковские операции и социальные коммуникации все чаще реализуются в цифровой форме, отсутствие соответствующих ресурсов и компетенций может превращаться в фактор социальной изоляции.

Методология

Исследование основано на сочетании количественных и качественных методов анализа. В качестве основных источников использованы статистические материалы Международного союза электросвязи, Всемирного банка, ЮНЕСКО и ОЭСР, а также результаты академических исследований цифрового неравенства.

Эмпирическую основу составили международные статистические показатели, характеризующие распространение интернета, различия между странами по уровню доходов, территориальные различия, гендерный и возрастной разрыв, доступность цифровых технологий и развитие цифровых навыков. Особое внимание уделено данным МСЭ за 2024 г., поскольку они позволяют оценить современное состояние глобальной цифровой связанности [1; 5].

Теоретическую основу составили концепции цифрового разрыва, цифрового неравенства и цифровой инклюзии. В частности, использованы подходы П. ДиМаджио и соавторов, Э. Харгиттай, М. Варшауэра и Я. ван Дейка. В современной литературе цифровое неравенство рассматривается как многоуровневое явление, в котором доступ к технологии представляет собой только первоначальный уровень [2; 3; 6].

В рамках исследования цифровое неравенство рассматривается по следующим взаимосвязанным измерениям:

— физический доступ к интернету и цифровым устройствам;

— экономическая доступность цифровых услуг;

— качество и стабильность подключения;

— наличие цифровых навыков;

— различия в характере использования цифровых технологий;

— способность конвертировать цифровые ресурсы в образовательные, экономические и социальные результаты.

Метод сравнительного анализа применен для сопоставления разных социальных и территориальных групп. Систематизация научных источников позволила выявить факторы, наиболее устойчиво связанные с цифровым неравенством. Статистические показатели интерпретировались с учетом методологических ограничений международных баз данных и различий в определениях отдельных индикаторов.

Результаты

Одним из наиболее очевидных результатов исследования является сохранение значительного глобального разрыва в доступе к интернету. В 2024 г. глобальный показатель использования интернета достиг 68%, однако это означает, что приблизительно каждый третий житель планеты оставался вне сети [1]. За период с 2015 по 2024 гг. глобальная доля пользователей увеличилась примерно с 40 до 68%, что свидетельствует о существенном распространении цифровых технологий, но одновременно показывает, что универсальная связанность пока не достигнута [1].

Особенно значительны различия между странами с разным уровнем экономического развития. В странах с высоким уровнем дохода интернетом пользовались около 93% населения, в то время как в странах с низким уровнем дохода этот показатель составлял только 27% [1]. Таким образом, экономическая обеспеченность остается одним из фундаментальных факторов цифрового включения.

Вторым важным измерением является территориальное неравенство. По данным МСЭ, в 2024 г. интернетом пользовались 83% городских жителей мира против 48% сельских жителей [5]. Соответственно, вероятность использования интернета в городской среде значительно выше. Особенно выражен разрыв в странах с низкими доходами, где интернетом пользовалась лишь примерно шестая часть сельского населения [5].

Следующим фактором является стоимость подключения. Формальная доступность сети не означает ее экономической доступности для всех групп населения. Согласно данным МСЭ, стоимость фиксированного широкополосного подключения в странах с низким уровнем дохода может составлять почти треть среднего месячного дохода [1]. Следовательно, даже при наличии

технической инфраструктуры низкий доход способен ограничивать регулярное использование интернета.

Значимым компонентом цифрового неравенства являются навыки. Э. Харгиттай показала, что среди пользователей интернета существуют существенные различия в способности находить информацию и эффективно выполнять онлайн-задачи. В ее исследовании опыт использования технологий положительно коррелировал с уровнем онлайн-навыков, тогда как возраст имел отрицательную связь с уровнем навыков [2].

Исследования Э. Харгиттай и А. Хиннант продемонстрировали, что даже среди молодых людей с высоким уровнем интернет-подключения характер использования сети неодинаков. Пользователи с более высоким уровнем образования и более благоприятным социально-ресурсным окружением чаще используют интернет для деятельности, связанной с накоплением человеческого, образовательного и экономического капитала [6, с. 602–621].

Следовательно, наличие смартфона или доступа к интернету само по себе не устраняет цифровое неравенство. Один пользователь может преимущественно использовать сеть для развлечений и общения, тогда как другой — для дистанционного обучения, профессионального развития, поиска работы, предпринимательства, финансовых операций и получения государственных услуг.

Еще одним фактором является возраст. По данным МСЭ, в 2024 г. интернетом пользовались около 79% лиц в возрасте 15–24 лет, что на 13 процентных пунктов выше показателя для остальной части населения [1]. Возрастной разрыв постепенно сокращается, однако остается значимым.

Гендерное измерение также сохраняет значение. Пересмотренные оценки МСЭ показывают, что в 2023 г. интернетом пользовались около 68% мужчин и 63% женщин [1]. Следовательно, гендерный разрыв в цифровом доступе продолжает существовать на глобальном уровне.

Цифровое неравенство проявляется также в образовательной сфере. ЮНЕСКО отмечает, что цифровые навыки приобретаются как в формальном образовании, так и посредством неформального обучения, при этом уровень цифровой подготовки зависит, среди прочего, от образования родителей и социально-экономического положения учащихся [7, с. 85–108]. В результате социальное происхождение способно влиять не только на традиционные образовательные результаты, но и на цифровые компетенции.

Анализ и обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать цифровое неравенство как часть более широкой системы социальной стратификации. Цифровые ресурсы распределены неравномерно, поскольку их приобретение и эффективное использование зависят от доходов, образования, возраста, места проживания, инфраструктуры и социальных связей.

П. ДиМаджио, Э. Харгиттай, У. Нойман и Дж. Робинсон предложили рассматривать цифровое неравенство в контексте более широких социальных процессов. Их анализ показал, что интернет способен воздействовать на неравенство, социальный капитал, политическое участие, экономические институты и культурную жизнь [8, с. 307–336]. Это означает, что цифровой разрыв нельзя изолировать от традиционных форм социального неравенства.

Важное значение имеет механизм накопления преимуществ. Более образованные и экономически обеспеченные граждане чаще имеют качественные устройства, стабильное подключение и возможность получать помощь при освоении новых технологий. Благодаря этому они могут использовать цифровые инструменты для дальнейшего повышения образовательных и экономических возможностей. Напротив, социально уязвимые группы чаще сталкиваются одновременно с несколькими барьерами — низким доходом, слабой инфраструктурой, отсутствием навыков и ограниченными возможностями поддержки.

В этом отношении концепция Я. ван Дейка имеет особое значение. Автор рассматривает цифровое неравенство как процесс, связанный с мотивационными, материальными, навыковыми и фактическими различиями в использовании технологий [9, с. 1–184]. Такой подход позволяет перейти от простой категории «имеет интернет/не имеет интернет» к исследованию качества цифрового участия.

Экономические последствия цифрового неравенства проявляются прежде всего на рынке труда. Всемирный банк указывает, что цифровые технологии способны способствовать экономическому росту, расширять возможности трудоустройства и улучшать предоставление услуг, однако положительные эффекты распределяются неравномерно [10, с. 1–36]. Для получения цифровых дивидендов недостаточно одной инфраструктуры: необходимы соответствующие навыки, конкурентная среда, эффективные институты и нормативное регулирование [10, с. 1–36].

Следовательно, цифровое неравенство может воздействовать на занятость двояким образом. С одной стороны, цифровые платформы и дистанционная работа способны расширять доступ к вакансиям. С другой стороны, лица, не обладающие необходимыми цифровыми компетенциями, могут оказаться менее конкурентоспособными на рынке труда.

В образовательной сфере цифровой разрыв может усиливать различия в доступе к образовательным ресурсам. ЮНЕСКО отмечает, что технологии могут расширять доступ к образованию для труднодоступных групп, но одновременно доступ к технологиям распределен неравномерно [7, с. 27–44; 7, с. 123–142]. Поэтому цифровизация образования без соответствующей политики инклюзии способна привести к парадоксальному результату: учащиеся, которые уже обладают лучшими образовательными и материальными ресурсами, получают дополнительные преимущества от цифровых инструментов.

Особенно важен вопрос цифровой грамотности. Исследования показывают, что навыки являются самостоятельным источником различий даже среди пользователей, имеющих доступ к интернету [2; 6]. Поэтому государственная политика, ограниченная строительством сетей и субсидированием устройств, не способна полностью устранить цифровое неравенство.

Вместе с тем необходимо учитывать различие между «цифровым разрывом» и «цифровым неравенством». Первый термин чаще используется для описания различий в доступе, тогда как второй охватывает более широкий спектр различий в ресурсах, навыках, характере использования и результатах. Именно второй подход более адекватен современному этапу цифровизации.

М. Варшауэр подчеркивал, что технологический доступ связан с физическими, цифровыми, человеческими и социальными ресурсами [4]. Поэтому эффективная политика цифровой инклюзии должна быть комплексной. Предоставление компьютера без обучения его

использованию может дать ограниченный результат. Аналогично подключение территории к интернету не гарантирует активного использования сети, если стоимость услуг остается чрезмерной.

ОЭСР еще в начале 2000-х гг. указывала, что цифровой разрыв внутри государств связан с различиями между географическими территориями и социально-экономическими группами и требует сочетания инфраструктурных и регуляторных мер [11, с. 5–34]. Современные данные МСЭ подтверждают, что проблема территориального разрыва сохраняет актуальность и спустя два десятилетия.

Серьезным социальным последствием цифрового неравенства является риск социальной изоляции. По мере перевода государственных, финансовых, образовательных и коммерческих услуг в онлайн-среду отсутствие цифрового доступа может ограничивать способность граждан взаимодействовать с институтами. В результате цифровая исключенность становится не только технологической, но и социальной проблемой.

Вместе с тем цифровизация способна создавать новые возможности социальной интеграции. Дистанционное обучение, телеработа, электронное государственное управление, онлайн-предпринимательство и цифровые финансовые инструменты потенциально позволяют преодолевать географические ограничения. Всемирный банк отмечает, что цифровые технологии уже способствовали росту, расширению возможностей и улучшению предоставления услуг, однако их совокупные выгоды остаются неравномерно распределенными [10, с. 1–36].

Поэтому основной задачей государственной политики должно быть не достижение формального равенства доступа, а обеспечение равенства возможностей использования цифровых технологий. Такая политика предполагает развитие широкополосной инфраструктуры в сельской местности, повышение ценовой доступности интернета, поддержку социально уязвимых групп, системное обучение цифровым навыкам и обеспечение доступности цифровых государственных и образовательных сервисов.

Особое внимание необходимо уделять пожилым гражданам, лицам с низким уровнем образования, населению сельских территорий и группам с низкими доходами. Одновременно необходима оценка не только количества подключений, но и качества соединения, регулярности использования, цифровой грамотности и способности пользователей получать практические преимущества от технологий.

Таким образом, цифровое неравенство следует понимать как динамический процесс. По мере распространения базового доступа центральное значение постепенно переходит от вопроса «кто подключен?» к вопросам «как подключен?», «какие навыки имеет пользователь?», «для чего он использует технологию?» и «какие результаты получает?».

Заключение

Проведенный анализ показывает, что цифровое неравенство остается существенной характеристикой современного общества. Несмотря на быстрый рост глобальной интернет-аудитории, в 2024 г. около 2,6 млрд человек все еще не пользовались интернетом [1]. Разрыв особенно выражен между странами с различным уровнем дохода и между городскими и сельскими территориями.

Основными причинами цифрового неравенства являются экономические ограничения, недостаточное развитие инфраструктуры, территориальная удаленность, высокая стоимость подключения, недостаток цифровых навыков, возрастные и гендерные различия, а также различия в образовательных и социальных ресурсах.

Важнейшим результатом исследования является подтверждение того, что цифровое неравенство не сводится к отсутствию технического доступа. Даже среди подключенных пользователей существуют существенные различия в навыках и характере использования цифровых технологий [2; 6]. Более обеспеченные и образованные группы имеют больше возможностей использовать цифровую среду для накопления человеческого и экономического капитала.

Социальные последствия цифрового неравенства проявляются в образовании, занятости, доходах, доступе к государственным услугам, общественном участии и социальной интеграции. При этом цифровизация может одновременно сокращать одни виды неравенства и усиливать другие. Поэтому цифровая трансформация должна сопровождаться целенаправленной политикой социальной инклюзии.

Для сокращения цифрового неравенства необходим комплекс мер: расширение инфраструктуры, прежде всего в сельской местности; повышение ценовой доступности интернет-услуг; развитие цифровых навыков на всех уровнях образования; программы цифрового обучения взрослых и пожилых людей; повышение доступности цифровых государственных услуг; поддержка социально уязвимых групп; а также постоянный мониторинг качества цифрового доступа.

В конечном счете, социальная эффективность цифровизации определяется не только количеством подключенных пользователей, но и способностью различных социальных групп превращать цифровые ресурсы в реальные образовательные, экономические и общественные возможности. Именно поэтому преодоление цифрового неравенства следует рассматривать как важную составляющую современной политики социального развития.

Список использованной литературы

1. International Telecommunication Union. Measuring Digital Development: Facts and Figures 2024. Geneva: ITU, 2024. С. 1–18.
2. Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. First Monday. 2002. Vol. 7, No. 4. С. 1–18.
3. Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Mapping Differences in People's Online Skills. arXiv, 2001. С. 1–20.
4. Warschauer M. Reconceptualizing the Digital Divide. First Monday. 2002. Vol. 7, No. 7. С. 1–16.
5. International Telecommunication Union. Measuring Digital Development: Facts and Figures 2024: Internet Use in Urban and Rural Areas. Geneva: ITU, 2024. С. 1–7.
6. Hargittai E., Hinnant A. Digital Inequality: Differences in Young Adults' Use of the Internet. Communication Research. 2008. Vol. 35, No. 5. С. 602–621.
7. UNESCO. Global Education Monitoring Report 2023: Technology in Education — A Tool on Whose Terms? Paris: UNESCO, 2023. С. 27–44, 85–108, 123–142.

8. DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W. R., Robinson J. P. Social Implications of the Internet. Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. C. 307–336.
9. van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge: Polity Press, 2020. C. 1–184.
10. World Bank. World Development Report 2016: Digital Dividends. Washington, DC: World Bank, 2016. C. 1–36.
11. OECD. Bridging the “Digital Divide”: Issues and Policies in OECD Countries. OECD Papers. 2001. Vol. 1, No. 6. C. 5–34.
12. Warschauer M., Knobel M., Stone L. Technology and Equity in Schooling: Deconstructing the Digital Divide. Educational Policy. 2004. Vol. 18, No. 4. C. 562–588.
13. Warschauer M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. C. 1–280.
14. Chinn M. D., Fairlie R. W. The Determinants of the Global Digital Divide: A Cross-Country Analysis of Computer and Internet Penetration. Oxford Economic Papers. 2007. Vol. 59, No. 1. C. 16–44.
15. Loosen W. The Second-Level Digital Divide of the Web and Its Impact on Journalism. First Monday. 2002. Vol. 7, No. 8. C. 1–15.
16. DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. Digital Inequality: From Unequal Access to Differentiated Use. In: Social Inequality. New York: Russell Sage Foundation, 2004. C. 355–400.
17. International Telecommunication Union. Facts and Figures 2024: Internet Use. Geneva: ITU, 2024. C. 1–10.
18. International Labour Organization. Bridging the Digital Divide. Geneva: ILO, 2025. C. 1–8.